

«Я постаралась максимально
интересно и субъективно рассказать
о том историческом периоде,
в котором мы все сейчас живем.
О самом ярком, абсурдном,
героическом и нелепом.
В общем, о нас!»

СОБЧАК

ПРОТИВ

ВСЕХ

18+

**ВМЕСТЕ
С АНТОНОМ КРАСОВСКИМ**

Проект Ксении Собчак

Ксения Собчак

Против всех

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Собчак К. А.

Против всех / К. А. Собчак — «Издательство АСТ»,
2018 — (Проект Ксении Собчак)

ISBN 978-5-17-107085-4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Эта книга — попытка нарисовать портрет нашей большой страны и окрестностей. Портрет, конечно, вышел не очень объективный. Я постаралась максимально интересно и субъективно рассказать о том историческом периоде, в котором мы все сейчас живем. О самом ярком, абсурдном, героическом и нелепом. В общем, о нас!

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-107085-4

© Собчак К. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Завтра була вона	9
КМДА	10
Порошенко	13
Майдан	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ксения Анатольевна Собчак

Против всех

© Ксения Собчак, Антон Красовский, текст

© Николай Бирюков, фото

© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Слоган моей предвыборной кампании – «Против всех». Именно так называлась строка в избирательном бюллетене, отмененная на федеральных выборах в России еще в 2006 году. Слова «против всех» не следует понимать буквально: я вовсе не против, я за. Думаю, что те мои соотечественники, кто предпочитал ставить галочку в графе «Против всех» – до тех пор, пока в 2006 году она не исчезла из избирательных бюллетеней – тоже поступали так не со зла или из раздражения. Они желали себе, своим близким и своей стране честного и спокойного будущего. И не их вина, что люди, чьи имена красовались тогда в избирательных бюллетенях, не вызывали никакого желания это будущее им доверить.

Когда я училась в МГИМО, на одной из лекций мне рассказали, что «ложный выбор» – один из распространенных приемов полемики. Злокозненный спорщик предлагает незадачливому оппоненту выбирать из плохого и очень плохого, будто бы третьей возможности вовсе не существует и ничего хорошего в мире вовсе нет. И вот тут неплохо бы дружелюбно улыбнуться, умыться снегом (если зима) и сказать: «Ах, да бросьте! Оглянитесь вокруг: мир такой разный, в нем живут всякие люди, странные и милые, смешные и удивительные. Я уверена, что все мы сможем между собой договориться ради нашего общего будущего. Я не стану выбирать между разными сортами этой вашей заскорюзлой ерунды. Я выбираю хорошее». – «А где же это хорошее?» – «Да вот же!»

Теперь вот какой интересный вопрос: откуда мне, бывшей ведущей прославленного телешоу «Дом-2», об этом известно? Что такого я в своей жизни повидала, чтобы быть настолько уверенной в том, где добро, а где чепуха и постыдная клоунада? Будучи человеком публичным и даже, не побоюсь этого слова, известным, я немало ездила по нашей стране и встречалась со многими людьми. О своих поездках и встречах я написала и наговорила сотни тысяч слов в журналах, книжках, соцсетях, теле- и радиоэфирах. Одним из проектов было мое долгое сотрудничество с журналом «Сноб».

В 2014–2016 годах мы с Антоном Красовским сделали серию больших репортажей, в которых попытались нарисовать портрет нашей большой страны и окрестностей, какими мы их тогда увидели. Портрет, конечно, вышел не очень объективный – слегка шаржированный, как мы тогда любили. К сожалению, в нем почти не нашлось места трудовым свершениям, повседневному героизму, самоотверженным попыткам простых людей сделать жизнь чуть-чуть светлее вопреки всем придуркам, которые этому мешают. Мы сосредоточились на том, что принято называть «проблемными темами». Украина, Крым, клерикальное мракобесие, фальшивый патриотизм, невежество и суеверия, национализм и ксенофобия... Сейчас, глядя из 2018 года, я должна отметить, что мы каким-то чудом нащупали главные болевые точки, очень важные для диагностики того, что сегодня происходит в стране. Ставить сам диагноз мы с Антоном не обучены, этим пусть занимаются эксперты. Зато мы знаем, что если нажать вот тут, то больной кричит и строчит жалобу в Роскомнадзор; это уже немало.

Задним числом, конечно, все мы умные и прозорливые. Гораздо сложнее увидеть главное, находясь внутри исторического процесса. Работая над этим проектом, мы встретились с разными людьми, о которых тогда и понятия не имели, как суждено им проявить себя в последующей истории. Кто мог знать, что симпатичная и боязливая девчушка из кабинета в крымской прокуратуре, по имени Наталья Поклонская, через пару лет станет депутатом Госдумы, притчей во языцех и затычкой в каждой бочке? Кто-то, может, догадывался – хоть и не знал наверняка – что другой наш собеседник, шоколадный магнат Петр Порошенко, станет президентом сопредельного государства. А уж о том, куда приведет судьба всех этих русопятых философов и ряженных казачьих атаманов, доморощенных колдунов и борцов за возрождение духовности, мы и сейчас загадывать боимся.

Исторический период, памятником которого – окей, возможно, маленьким сувениром – стал наш проект, пока не завершен. Чем он закончится, зависит в том числе и от читателей этой книги, от ее героев и авторов. Мы очень надеемся, что все будет хорошо. В какой-то момент читатель может оказаться перед выбором: какое выражение придать лицу, столкнувшись с очередной беспардонной провокацией авторов или ознакомившись со спорными, не слишком глубоко продуманными точками зрения, которую высказывают их герои? Мое предложение такое: добрая, понимающая улыбка. Злость и раздражение ничем нам не помогут, а только помешают в работе.

А работы, надо сказать, у нас с вами невпроворот. Пока же просто желаю вам приятного чтения.

Ваша Ксения Собчак.

Часть первая

Украинская весна

4 сентября 476 года варварский вождь Одоакр заставил римского императора Ромула Августа отречься от власти. В этот день закончилась история Древнего Мира и началось Средневековье.

Историки вообще обожают задним числом определять точные даты, когда закончилась одна эпоха и началась другая. Что касается недавней истории нашей страны, тут у каждого есть свое мнение о том, с какого момента все пошло не так. Февраль 1917-го? Октябрь 1917-го? Август 1991-го? Октябрь 1993-го? День голосования на президентских выборах 26 марта 2000-го года? «Болотный протест» 2012-го?

На мой взгляд, один очень важный перелом в жизни страны произошел на рубеже 2013 и 2014 года. Как ни парадоксально, события, ставшие этому причиной, произошли не у нас, а в соседней стране. Однако именно в России с этого момента начался странный исторический период, когда почему-то никто не вздрагивает, услышав слова «радиоактивный пепел», «распятый мальчик» или «пармезан под бульдозерами». В Украине, где берет начало этот исторический перелом, его принято называть «революцией достоинства». У нас чаще рассуждают о «хунте» и «майдане», вкладывая в эти слова не совсем понятный говорящим смысл.

В феврале 2014-го мы, конечно, и представить себе такого не могли. Нам просто хотелось разобраться, что же происходит в соседней стране, откуда вдруг повеяло свежестью исторических перемен. Если бы мы тогда знали о Донецком аэропорте и Иловейском котле, о судьбе Олега Сенцова и сгоревших заживо в Одессе – может быть, в этом очерке было бы чуть меньше веселого паясничанья и чуть больше тревоги о будущем.

Но тогда мы не знали.

(Март 2014)

Завтра була вона

Ксения Собчак и Антон Красовский провели на Украине неделю в феврале. В тот момент ни они, ни те, с кем они встречались, еще не могли предположить, как стремительно развернутся события в ближайшем будущем.

– Сука. Ты вот настоящая москальская сука, – Красовский, чуть не плача, натягивал клоунские казачьи шаровары, привезенные Собчак с киностудии им. Довженко. – Я ж сказал тебе днем, что на Грушевского сейчас напряженно, «Правый сектор» что-то там мутит. А тебе лишь бы поиздеваться над свободолюбивым украинским народом. Вот замочат тебя в сортире, узнаешь.

– Почему поиздеваться? – Собчак невозмутимо нахлобучила на голову торжественный пластиковый венок, видимо, украденный костюмерами с Байкова кладбища. – Наоборот, я как сестра приехала поддержать украинских братьев и в знак уважения надела национальный костюм. По-твоему, если бы ты на Болотную пришел в картузе и с гармонью, тебя побили бы? Если ты считаешь, что традиционные ценности могут кого-то унижить, то тебе в итоге точно наваляют. И справедливость восторжествует. Не ссы, поехали.

У ЦУМа машина уткнулась в пятиметровый обугленный айсберг. В айсберг вмерзли горелые покрышки, доски, ящики, обрезки труб. Из его вершины торчал флаг Евросоюза.

Внезапно нахлынувшая на Украину теплынь подтачивала ледяную гору. Растворенная в воде сажа черным потоком уходила вниз по Крещатику, а вместе с ней исчезала и революция. Казалось, сама земля противилась протесту.

«Идите пахать, сеять, доить», – кричали людям почва, река, копченый туман. «Янукович уже надоил», – отвечали природе люди, продолжая мастерить заграждения.

Москали решительно пошли вдоль вымокших палаток, около которых хмурые тени помещивали что-то в дымящихся котелках. То и дело из-под навеса выныривал какой-нибудь уса-тый сыч в такой же, как у Красовского, шутовской папахе.

– Ой, Оксаночка, и ты до нас? – пожелтевшие усы в нечистом камуфляже засеменили рядом с Собчак. – На Майдан подывытыся приехали? Малахов вже був, йому сподобалося (*понравилось. – Прим. ред.*).

Не получив ответа, усы растворились в плотной толпе, окружившей гостей украинской столицы перед массивными ампирами дверьми, прегражденными декоративным турникетом. Под табличкой, сообщавшей, что здание принадлежит Киевской городской администрации (КМДА), черной краской по граниту было написано: «Штаб революції».

КМДА

Источники сообщают, что 1 декабря 2013 года в это здание ворвалась группа вооруженных членов группировки «Правый сектор» во главе с бывшей активисткой УНА-УНСО Татьяной Чорновил. Очевидцы же говорят, что в этот момент на Крещатике одновременно стоял миллион человек и кто именно захватил «будынок» – непонятно. Так или иначе, вот уже семьдесят дней мэрия Киева была одним из центров сопротивления.

Навстречу Собчак с Красовским вышел улыбающийся парень лет двадцати пяти.

– Евгений Карась, комендант. Будемо спілкуватися українською?

– Ой, можна російською, – с западенским акцентом захныкал выросший в Ровенской области Красовский, – а то дівчинка у нас не вчена, нічого не зрозуміє.

– А, ну без проблем.

Прикусив губу, Собчак искоса поглядывала на окруживших коменданта парней. В них не было ничего отвечавшего ее представлениям о революции: ни лент, ни воздушных шариков. Только штыки на поясе, спецназовские берцы и рации, по которым они перебрасывались непонятными цифрами: «Второй, второй, я пятерка, восьмого видишь?»

– Ребята, а вы откуда вообще? – наконец решилась Собчак растопить лед.

– Львовский ЧОП, – последовал краткий ответ.

Пройдя мимо караула, москали очутились в мраморном вестибюле. Стены, колонны, двери были исписаны какими-то лозунгами, под лестницей сидел студенческого вида юноша с гитарой.

– Принимает продукты, – с пановатой гордостью сообщил комендант Карась. – Пойдемте наверх.

На втором этаже, в огромном колонном зале, где еще недавно проходили заседания горсовета, столпилась сотня человек. Пара десятков сгруппировалась где-то у сцены, еще человек тридцать стояли в очередях к сидевшим за столами молодым людям. Оставшиеся окружили москалей.

– Шапку сними, – тихо, но настойчиво потребовала коротко стриженная женщина у Красовского, – в нормальных странах шапки в помещениях снимают.

– А уже все нормально со страной, да? – недоверчиво поинтересовался Красовский у женщины, косясь на огромный портрет Степана Бандеры над входом. – А вам, кстати, не надоело всем Бандерой в морду тыкать? Вы же знаете, как к нему относятся на востоке страны, в России? Был у Познера в программе Кличко, и Познер ему задает вопрос...

– Про гомиков? – с понимающей ехидцей спросил в ответ полнеющий хлопец, похожий на прижившегося в доме стареющей купчихи дьячка.

– Гомики в России уже не в моде – о Бандере. И о ветеранах УПА, которых хотят уравнивать в правах с партизанами.

– Я однозначно считаю ветеранов УПА героями, боровшимися за независимость Украины, – по-хозяйски протискивался сквозь толпу невысокий, комиссарского вида юноша – Юрий Ноевый, партия «Свобода». – А вы лучше поинтересуйтесь, где был Степан Бандера с 1941 по 1944 год. В фашистском концлагере.

– Ну или посмотрите, – подхватил комендант Карась, – с кем воевали части УПА на западе Украины до 1944 года? С Красной армией? А откуда она там взялась в эти годы? УПА воевала с вермахтом.

– Если Бандера герой, то Богдан Хмельницкий кто? – не отставала Ксения. – Тоже герой?

– Герой.

– Он же говорил, что Украина навеки с Россией? Я думала, теперь будут его памятники валить.

Из разноголосых возмущенных реплик стало очевидно, что снос памятников гетману не входит в список первоочередных дел собравшихся в зале.

– Хорошо, ребят, – поправляя поминальный венок, встряла в общий гомон Собчак, – давайте не о прошлом, а о будущем. Вот когда вы придете к власти, кто для вас будет идеальной фигурой на пост президента?

Ноевый (*гордо приосанясь*): Мы – свободовцы, то есть для нас такой человек – Тягнибок, но речь же сейчас не о персоналиях.

Собчак: А вот учитывая националистическую направленность вашей партии, скажите: может быть еврей допущен к управлению страной?

Ноевый: Мы основываемся на том, что европейская демократия сейчас строится на довольно странных принципах замалчивания и неучитывания национального фактора, что как раз мешает равноправию.

Красовский: Боже, неужели так трудно прямо ответить: еврей такой же человек, как и украинец, или нет?

Ноевый: Ну, Господи, конечно же, да. А возвращаясь к персоналиям, мы хотим поменять не людей, мы хотим поменять систему. В нормальной системе даже Януковича можно было бы вписать в рамки. Мы боремся за новый порядок, где бы не было коррупции, где бы правоохранительная система защищала людей, где бы суды справедливо разбирали дела.

Собчак: Как же вы этого добьетесь?

Ноевый: Будем проводить люстрации.

Собчак: Отбирать собираетесь? Грабить награбленное?

Ноевый: Нет, будем запрещать финансово-криминальные группировки, которые пришли во власть, чтоб пилить деньги.

Красовский: А к России у вас есть претензии?

Ноевый: Дело в том, что Украина – постколониальное государство, поэтому вся эта воровская власть Януковича эксплуатировала среди своих избирателей пророссийскую идеологию. Все эти речи Азарова, колорадские ленточки.

Красовский: Какие ленточки?

Ноевый: Колорадские, которые у вас георгиевскими называются. Весь «Беркут» с лентами ходит. Партия регионов – это креольская колониальная элита, которая засела тут и сидит уже двадцать лет. Ничем их не вытравишь, как вот этого колорадского жука. Так что будем сидеть здесь до победы.

– Пойдемте, мы вам наш спортзал покажем, – обрадовался комендант Карась какой-то логической точке. – Там как раз сейчас тренировка. Вот вы спрашивали, как это все финансируется. Все это самоорганизация. Люди знают, что нам надо, и привозят. Вот мы сказали: нам нужны тренажеры, и женщина какая-то на следующий день привезла маты, турники, гантели.

В небольшом зале на первом этаже действительно шла тренировка. Десяток крепких парней, встав на колениверху задницами, образовывали кольцо.

– А зачем они жопы-то оттопырили? – испугавшись провокации, спросил Красовский.

– Это они шеи разминают. А попой давить хорошо. Не хотите присоединиться?

– Нет, спасибо. Я, во-первых, попой, как вы говорите, уже все, что мог, раздавил, а во-вторых, меня утром Ксения Анатольевна записала в спортзал «Хаятта».

Украинцы застенчивые, смеются, как бы извиняясь, прикрывая рот рукой. Матом стараются не ругаться, рассказывая всем, что мат – это чисто москальское изобретение, которым Сталин пытался заразить нестойкую до языковых вирусов нацию. «У вас, – говорят русским украинцы, – вся ругань через секс, а у нас – через жратву». Но когда приходит время, застенчивый украинец берет АКМ, прячется за платан и стреляет на поражение сперва в левую щеку

врага. А потом – контрольным – в правую и в глаз. Это свойство украинцев, хорошо знакомое советским солдатам времен Второй мировой, известно нам с вами как национальная черта других наших соседей – чеченцев. В ночь, когда герои нашего рассказа бродили по туманному Майдану, об этой национальной черте мир еще не знал. Москали вышли из КМДА и пошли вдоль рядов палаток.

– А можно нам на баррикаде-то сфоткаться? – спросила Собчак у юного коменданта.

– Ну что вы спрашиваете? Нужно! – улыбнулся Женя и, обернувшись к охраннику в бронежилете, приказал: – Пидтрымай Ксюшу.

Так они остались на карточке – два клоуна и два солдата, чудом уцелевших в наступающей битве.

Порошенко

Петро Порошенко – бывший министр иностранных дел и секретарь Совбеза, миллиардер, заработавший состояние не на нефти и газе, не на лесе, не на металлах. Ему принадлежат «Пятый украинский телеканал» и знаменитые кондитерские фабрики Roshen. В его фирменном магазине, всю революцию не закрывавшемся на Майдане, продаются самые вкусные киевские торты.

Собчак: Ваша компания не собирается угостить всех на Майдане киевским тортиком?

Порошенко: Вы знаете, мне кажется, сейчас это не самый важный вопрос, который мы с вами можем обсудить. Я не хотел бы, чтоб создавалось превратное впечатление, что Майдан имеет своего спонсора.

Красовский: А вы разве не спонсор Майдана? Я лично никогда не поверю в самоорганизацию двухсот семидесяти тысяч порций еды. Кто-то же за все платит.

Порошенко: Нет такого человека. Есть, например, компания «Фестиваль борща», она традиционно уже семь лет проводит фестиваль в одном районе Киева. Вот она поставила свой котел и непрерывно на Майдане варит борщ, сама закупает продукты. Это не Бог ведь какие деньги, смею вас уверить.

Собчак: Должны же быть какие-то спонсоры.

Порошенко: Хорошо, есть пятьдесят тысяч спонсоров. Подойдите к коменданту Майдана, и он вам прокомментирует, какие там расходы и как это все координируется.

Собчак: Давайте тогда на другую тему поговорим. Есть несколько основных олигархов, которые, лоббируя свои интересы, спонсируют те или иные политические силы.

Красовский: Ахметов, Фирташ, Пинчук, Коломойский, ну и вы, собственно.

Собчак: Здесь все знают об этом, все говорят: это Фирташа человек, это – Коломойского, это – Ахметова. Но на политическом уровне все это отрицают. Вам не кажется, что это странно? Что это создает ощущение обмана?

Порошенко: Есть человек Коломойского, есть человек Ахметова, а назовите мне человека Порошенка?

Красовский и Собчак (в один голос): Порошенко.

Порошенко: Это первая позиция отличия. Вторая позиция: мне с командой удалось создать одну из прозрачных и эффективных компаний на территории СНГ. И в России тоже.

Красовский: Получается, что вы сейчас самый удобный для России украинский политик.

Порошенко: Я бы ушел от слова «удобный». Вообще, мне кажется, сегодня уже очевидно, что, вопреки всем разногласиям между украинскими политиками, последние события показали, что на Украине нет удобного для России политика. Перед лицом общей угрозы мы смогли закрыть глаза на наши противоречия и делаем все, чтобы не допустить самого худшего. Что касается меня лично, у меня есть опыт общения с целым рядом представителей российского истеблишмента. Мои контакты с ними были достаточно регулярными и эффективными.

Красовский: Почему тогда русские ударили по вашим заводам «Рошен» сразу же после первых выступлений?

Порошенко: Я думаю, что это лучше обсуждать с русскими. Тут важно их понимание эффективности инструментов воздействия на украинскую политику.

Красовский: А не проще было газ отрубить в очередной раз? Вот русские считают: а что мы с хохлами нянчимся, давайте им газ отрубим, и все!

Порошенко: Газовые взаимоотношения России и Украины – это все-таки взаимоотношения не просителя и дающего, а взаимоотношения двух равноправных субъектов – покупа-

теля и продавца. И за три или четыре года действия российских контрактов Россия потеряла здесь более половины рынка. Раньше она продавала пятьдесят четыре миллиарда кубов, сейчас – меньше тридцати.

Красовский: А куда они делись, эти объемы?

Порошенко: Украина стала меньше потреблять за счет повышения энергоэффективности. И такая динамика невыгодна русским. Извините, ребята, ваш газ не нужен. Тогда начинается, конечно: наш газ не нужен по пятьсот? А по четыреста нужен? А по двести пятьдесят? Это не значит, что Украина побеждает или Россия побеждает: должен быть баланс цены. Если бы российский газ был рыночным товаром, а не инструментом политического воздействия, все было бы намного проще.

Красовский: Вот честно, вы в это верите? Что на вашей жизни...

Порошенко: Я в это верю. Я считаю, что Украина должна построить конкурентную экономику для того, чтобы гарантировать свое стабильное развитие. Сейчас на Украине вообще нет экономики.

Красовский: Давайте чуть-чуть поговорим о ваших коллегах и конкурентах. Вот вам на одной трибуне с такими людьми, как Тягнибок, не запахло стоять?

Порошенко: Я не во всем согласен с Олегом Ярославовичем. Но он политик, у него есть свой избиратель. Ведь проблема не в том, с кем я хочу стоять или не хочу, а в том, что избиратели «Свободы» – это такие же украинцы, и они имеют право быть услышанными. В конце концов, мы можем победить только тогда, когда все оппозиционные силы научатся слышать, слушать и понимать друг друга.

Собчак: Вы же знаете, что, как правило, революция выбрасывает вперед людей, которые готовы играть на самых низменных инстинктах толпы.

Порошенко: Честное слово, если бы я верил в эту логику народного протеста, у меня была бы возможность в нем не участвовать.

Собчак: Представьте себе, что происходит революция. За кем пойдет больше людей – за вами с вашими рассказами про энергоэффективность или за Тягнибоком, который будет кричать: «Вешаем жидов и москалей, всех геть»?

Порошенко: Вы знаете, я думаю, вопрос вообще так не стоит. Этот Майдан – это не Майдан 2004 года, когда страна искала мессию. За девять лет украинцы выросли, и те, кто сейчас стоят на площадях, не готовы слепо верить в слова. И события последних дней – яркое этому подтверждение! Ведь падение режима Януковича – это прямая заслуга людей. Хочу вам напомнить, что лидеры оппозиции подписали с Януковичем соглашение и готовы были терпеть его еще десять месяцев. И если бы люди действовали по вашей логике и пошли за кем-то из политиков, мы бы с вами до сих пор называли Януковича президентом. Вы просто недооцениваете этот Майдан. Хочу вам рассказать, как во время переговоров со Штефаном Фюле, в полпервого ночи, он говорит: «Поехали на Майдан». Мы заходим на Майдан, подходим к бочке, люди греются. Стоят шесть ребят и одна девушка. Рядом с Фюле был посол, который не говорит по-русски. Посол говорит: «Ты можешь мне перевести, я хочу понять, кто эти люди, зачем они стоят?» Представьте, все семь человек внезапно отвечают ему на английском, переводчик не нужен. Все семь человек блестяще говорят на английском. И вы считаете, что эти люди не способны сделать выбор или они не знают, что хотят построить в своей стране?

Собчак: Но для вас Бандера – герой?

Порошенко: Любой человек, который боролся за независимость моей страны, для меня герой. Но это не предполагает, что для меня не являются героями какие-то другие люди. Оба моих деда воевали на войне, оба были ранены. За Советский Союз воевали, безусловно.

Собчак: А те, кто сделал что-то хорошее для Украины, – герои? Хрушев, например. Такой подарок сделал – Крым. Почему не считать его героем?

Порошенко: Потому что и на его совести сотни тысяч замученных украинцев. У кого-то в голодомор 1932–1933 годов умерли близкие родственники.

Красовский: А вам не кажется, что Украина сейчас разделена на две части? На ту, для которой герой – Бандера, и на ту, где герои – ваши деды.

Порошенко: Нет, это не так. Майдан – не война востока с западом. Это противостояние народа и власти, и основным движущим фактором является фактор «достали»: достали коррупцией, несправедливостью, невозможностью себя защищать. И вопрос Ксении о Бандере – это вопрос с точки зрения «давайте поковыряем».

Собчак: Мне кажется, что если сейчас не расковырять, то потом, когда произойдет победа, вдруг окажется поздно.

Порошенко: Ксения, выгляни в окно. Те люди, которых еще вчера сталкивали лбами, сегодня едины в стремлении защитить свою страну. Даже не думай! Существует технология отвлечения внимания от коренной проблемы. Что говорить сейчас о кризисе, давай поговорим о языке! Насколько русскоязычные в Украине защищены. Давай о Бандере поговорим. Ведь людям сейчас неважно, что им есть нечего, им неважно, что у них справедливого суда нет, зато им очень важно сейчас о Бандере поговорить! Вот уважаемой мною Ксении очень важно сейчас расковырять Бандеру. Моя позиция: будет день – будет пища.

Красовский: Что сейчас самое главное, три главных вопроса для Украины?

Порошенко: Еще вчера я думал, что нашей главной проблемой будет экономика и то, что страна фактически парализована. Но, к сожалению, сегодня главное – это территориальная целостность и суверенитет моей страны. Вот главный вопрос.

Красовский: Что будет с Януковичем? Вы лично хотели бы, чтобы он сел?

Порошенко: Я бы хотел, чтобы наказание было неотвратимо.

Майдан

На следующий день Красовский отправился на Майдан в одиночестве. Собчак, снимавшаяся одновременно в двух проектах на украинском телевидении, написала SMS: «Все-таки хохлы жулики. Обещали восьмичасовой день, в результате рабство с утра до ночи. Иди без меня. Гепа в Киев на интервью не полетит, ему лень. Извинялся и прислал самолет. Летим в Харьков. Встретимся в Жулянах».

Выйдя из дипломатического квартала на Софиевскую площадь, Красовский нырнул в переулочек и обомлел. Перед ним сотнями дымных клубов дышал лагерь кочевников. Посреди шатров грандиозной палицей торчала колонна независимости. Под определенным углом могло показаться, что все стоящее на Майдане живое соединилось в кулак, выкинув в небеса огромный средний палец: не дождетесь.

У входа в Дом профсоюзов стояли примелькавшиеся уже за пару дней подростки в камуфляже.

– Доброго ранку, можна українською? – седой бодрый человек по-хозяйски вышел из здания.

– Та ради бога, будь ласка, тільки тоді без диктофона, бо в редакції в Москві все одно не зрозуміють.

– Ну дуже гарно. Я – Степан Іванович.

Степан Кубив был заместителем председателя комитета Верховной рады по финансам и банкам, а когда народ пришел на Майдан и остался, был делегирован оппозицией координировать жизнь нового огромного города в городе. Кубив и был тем самым комендантом Майдана, о котором говорил Порошенко.

– Сколько стоит Майдан?

– В среднем, наверное, пятьдесят-семьдесят тысяч долларов в день.

– Это спонсорские деньги? Партии?

– Ну, скажем так, это тысячи разных доноров. Тут есть компании, которые привозят еду. Помните, был день, когда тут одновременно оказался почти миллион человек и нужно было хотя бы половину из них обеспечить едой. Мы тогда приготовили пятьсот тысяч порций горячего.

– Это что ж была за еда?

– Гречка с сардельками. Все на кухне Дома профсоюзов приготовили. Восемьдесят повара-волонтеров. Дрова другие компании привозят, мусор вывозят еще одни.

– Слушайте, ну я никогда не поверю в самоорганизацию тысяч независимых компаний и людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.